

ГЛАВА 2.8. ПОВЕРХНОСТИ ПРОТЕСТНОГО ПИСЬМА: ПОСТСОВЕТСКИЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ

Политическое участие принято рассматривать с точки зрения включения в политический процесс в каких-либо институциональных формах. Это будет не совсем объективно, потому как существуют и неинституциональные формы, что вызывает необходимость в новых исследовательских подходах.

Регистрация политических ситуаций и акторов исключительно в рамках самой системы и вписанности в неё, оставляет вне исследовательского интереса множество социальных групп и сообществ, не связанных с самой политической системой строгими соответствиями и обязательствами, но, вместе с тем, периодически артикулирующими требования правящим элитам на разных уровнях политики с помощью особого языка. Так появляется протестное письмо. Причём, его явление не является характерной чертой современности. Политическое протестное письмо неотъемлемо от политики и от языка в целом. Причём, протестное письмо может быть эффективной технологией выражения своего права на дискурс как со стороны включённых политических акторов, так и со стороны исключённых политических акторов.

На наш взгляд, протестное письмо служит своеобразным индикатором состояния политического процесса в целом, и может по-своему раскрывать его содержание. В данном смысле можно говорить о том, что методология анализа политических процессов может вполне включать в себя исследовательскую практику, изучающую само письмо, пытающуюся установить его автора и непосредственный социально-политический контекст.

Выразительность протестного письма, а также объём покрытых им поверхностей увеличивается в периоды социальных трансформаций. Туристы, посетившие Париж после мая 1968 года, рассматривали революционные надписи в Сорбонне, словно это были музейные экспонаты.

Похожие ощущения будут испытывать туристы и после посещения Киева в декабре 2013 года. Некоторые блогеры, специализирующиеся на политических оценках, недвусмысленно рекомендуют посетить Киев именно в это время ради незабываемых ощущений от наблюдения форм арт-активизма. Надпись чёрным маркером «Революционный трибунал» под вывеской Киевской

городской администрации на Крещатике, является, наверное, вполне адекватным отражением протестной орфографической ярости неизвестного автора. Незабываемые ощущения как раз и связываются с погружением в протестное письмо, в новый протестный лексикон, подзабытый в некоторых политических системах, давно не знавшим мобилизации масс изнутри. Не является исключением и российская практика. Специфический ярлык несистемности, присвоенный социальным группам с артикулированными политическими интересами, и выразившими их в уличной политике, стал элементом политического дискурса современной России после зимних митингов 2011–2012 гг. В тот самый момент нам также перестаёт протестное письмо во всём его многообразии, равно как и поверхность, которая принимает на себя это протестное письмо.

Политические процессы на постсоветском пространстве, учитывая их транзитивный характер, предполагают соперничество за власть политических акторов, ввиду внезапно открывшейся перспективы инкорпорации в правящую элиту. Так как все постсоветские государства имеют одинаковые стартовые условия в формировании демократических институтов, и их временной континуум совпадает, есть смысл рассмотреть их в сравнительной перспективе. Предполагается, что авторы протестных посланий, эксплуатирующих протестную поверхность, могут находиться приблизительно в одном и том же возрасте, и тяготеть к схожим ценностям. Безусловно, по мере развития политического процесса постсоветского перехода у данных субъектов будут возрастать требования к правящей элите, что будет сказываться на качестве запросов. По мнению американского автора Т. Гарра, «дитя традиционного общества, вкладывающее своё время и энергию в формальное образование, побуждается к движению по направлению к новым целям – вначале смутным, но по мере прогресса образования всё более отчётливым»¹. Нельзя не учитывать и отмечаемые Т. Гарром приобретения желаний в городах, не будучи в состоянии их удовлетворения².

Безусловно, с помощью метода, используемого нами, и предполагающего, что объёмы протестного письма и осваиваемых его авторами поверхностей, являются прямо пропорциональными демократичности политического режима, можно будет определить довольно призрачные перспективы постсоветских республик Средней Азии. Как раз там политическое протестное письмо практически

¹ Гарр Т. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – С. 145–146.

² Там же. С.145.

отсутствует. Отсутствие практик протестного выражения через поиск подходящей поверхности для письма объясняется фактическим отсутствием конкурентности в политическом процессе и низкой степенью прозрачности политических процессов как демократических. Наоборот, в тех постсоветских государствах, где могла иметь смена власти, как в рамках институциональных механизмов, так и спровоцированная практиками уличной политики, есть смысл говорить о повышении протестной активности – донесении собственных протестных сообщений на языке протеста, демонстрирующегося через различные формы и поверхности.

В этом смысле объёмы политического письма нарастают по горизонтали с Востока на Запад, потому именно так нарастает и политическая активность. Исключение составляет разве что Беларусь, где вплоть до настоящего времени политическое протестное письмо проявляет себя наиболее осторожно. Как мы заметим, политическое письмо наиболее активно наносится на протестные поверхности в тех постсоветских государствах, где имели место смены политических режимов (Грузия, Украина, Кыргызстан).

Мы рискуем потеряться в объективном многообразии несистемных групп, составивших протестную массу в случае, если его исследовательский фокус будет вписывать в себя всё социальное тело протеста. Поэтому, нас интересует только часть его. Политический протест актуализировал политическое творчество несистемных групп, связанных с демонстрациями протестных текстов, с их представлением аудитории.

Временной континуум протестного письма совпадает с постсоветским временем – становление новых постсоветских государственных (1991 год). Пространственным континуумом выступает городское публичное пространство, которое, несмотря на существующие расхождения в его концептуализации, не может не пониматься как собрание людей в каком-то пространстве или месте.

Пожалуй, ни один город на постсоветском пространстве не избежал участи наложения на свои поверхности протестного письма. Послания, оставляемые социальными группами, испытывающими необходимость демонстрации собственных претензий на политический дискурс, всё чаще предназначаются аудитории, будучи вынесенными в публичное пространство. Мы попытаемся классифицировать данные поверхности.

Мы предлагаем акцентировать внимание на трех типах поверхности в городском публичном пространстве.

1 тип. Город и его материальный капитал, выступающий как поверхность письма (здания, крыши зданий, учреждения, вывески, дороги, улицы, уличные знаки, деревья, столбы, памятники, стены, двери домов, остановки, окна, рольставни, городской транспорт, автомобили, железнодорожные вагоны и т.д.).

2 тип. Человек как поверхность протестного письма (акты человека, аксессуары, одежда, причёска, ношение символов, перформансы и т.д.).

3 тип. Протестная поверхность – коммуникации (блогосфера, гаджеты, социальные сети, журналистика, искусство, театр и т.д.).

Наблюдения показывают, что практически все поверхности в городском публичном пространстве могут быть использованы для протестных текстовых сообщений. Причём, таковыми поверхностями могут предстать как места, где наблюдается повешенная публичная концентрация, так и заброшенные места, которые оказываются не востребованы как публичные пространства в условиях информационного времени. В любом случае, поверхность, располагающая субъекта протеста к письму, подвергается наложению протестного сообщения.

Необходимость заполнения пустого пространства – поверхности вполне чётко представляется в контексте диалектических схем, представляющих собой неустанную игру оппозиций, их взаимодополнение. На пустую поверхность всегда будет напрашиваться определённое письмо, его субъект будет томим стремлением соединения собственной воли с данной поверхностью. Граффити – искусство, фанатские надписи, хулиганские тексты и самое обычное признание в любви как раз и будут представлять собой акт субъекта в отношении пустого пространства, его протест против своеобразной пустоты и бессмысленности. Наоборот, уже наложенному протестному тексту может оппонировать стремление преодолеть его, стереть, либо наложить на него новое письмо. Так школьная доска освобождается дежурными от различных надписей, не имеющих отношения к новой реальности.

Вообще, пустое место выступает своеобразной «вогнутостью», которая, судя логике Ж.-П. Сартра, должна быть обязательно заполнена «выпуклостью». Поверхность характеризуется определённой неисчерпаемостью, долгим движением вглубь, вместе с тем, как само письмо обладает для продвижения вглубь необходимыми характеристиками вертикальности – вхождения сверху.

Необходимость заполнения пустого места/пространства довольно убедительно была высказана Ж. Делёзом: «пустое место – ни для человека, ни для Бога; сингулярности – ни общие, ни индивидуальные; ни личные ни универсальные. Все это пробегается циркуляциями, эхом и событиями, которые производят больше смысла, больше свободы и больше сил, чем когда-либо мечтал человек или когда-либо было постижимо для Бога. Задача сегодняшнего дня в том, чтобы заставить пустое место циркулировать, а доиндивидуальные и безличные сингулярности заставить говорить, – короче, чтобы производить смысл»¹.

Кажется, что субъект протеста, волею обстоятельств уклонившийся от фронтальных столкновений с репрессивной политической машиной, и сделавший выбор в пользу протестного письма, как раз и пытается заставить «говорить» пустое место, концептуализируя его и производя место – смысл.

Арт-активизм как раз и предполагает поиск пустых мест/поверхностей, которым предстоит наложение протестного письма. И если в крупных российских городах подобные практики могут рассматриваться как само собой разумеющееся, ввиду высокой концентрации политического в самом пространстве, и, отсюда, довольно высокой конкуренции, то появление арт-активистских объективаций в российской провинции нельзя не рассматривать как усиление протестной активности «снизу», волею обстоятельств не сумевшей конвертировать собственную анонимность в публичный капитал.

Выявление поверхностей для протестного письма становится своеобразным итогом перемещений субъекта в городском публичном пространстве. Как однажды заметит австрийский исследователь Г. Рауниг, «ситуация и *derive* позволяют обследовать городской ландшафт для самых различных целей, от студенческой попойки до отыскивания подходящих мест для баррикад»².

Продолжая мысль австрийского автора, отметим, что подобные передвижения по пространству как раз и отмечаются письмом как неким свидетельством присутствия. Оставленное письмо зачастую свидетельствует о маршруте передвижения субъекта протеста. Возникают аналогии с творчеством футбольных фанатов перед

¹ Делёз Ж., Фуко М. Логика смысла. *Theatrum philosophicum* / пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С.109.

² Рауниг Г. Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – С.165.

гостевым матчем своей команды, после которого в городском пространстве вдруг возникают следы их присутствия – граффити, наклейки, стикеры. Пространственные характеристики поверхности, куда предстоит нанести протестное письмо как раз должны работать на создание места-концепта, продуцируя необходимые политические смыслы, которые требуют донесения до аудитории. Место-концепт само по себе объясняет политическую реальность, изображаемую в политической постановке. В частности, гипермаркет «Ашан», выбранный арт-группой «Война» для проведения акции «Памяти декабристов» изначально является местом-концептом, притягивающим новые смыслы и знаки¹.

Итак, мы акцентировали внимание на трех типах протестной поверхности (город и его материальный капитал, человек и коммуникации). Отсюда, можно выстроить три возможных варианта субъект-объектных коммуникаций, связанных с нанесением протестного текста на поверхность.

Вариант: субъект протеста – город и его материальный капитал.

Вариант: субъект протеста – человек и его тело.

Вариант: субъект протеста – протестная коммуникация.

Субъект протеста – город и его материальный капитал.

Что касается коммуникации субъект – город, то она представляет собой столько возможностей для протестного письма, сколько есть поверхностей в самом городе. Наблюдение за протестным письмом показывает, что объектами письма могут выступать какие угодно поверхности, а политические практики арт-активизма с каждым годом становятся всё более изобретательными и изощрёнными.

Городское пространство оказывается наиболее уязвимым с точки зрения его расположенности к протестному письму, содержание которого варьируется в зависимости от векторов проводимой политики. Политическое письмо моментально «схватывает» острые моменты политики, обладая особой чувствительностью к метафорам кризиса, боли, страдания. Так известные события в Бирюлёво в октябре 2013 года просто были обязаны вытолкнуть практики протестного письма, что мы увидели в итоге. Вообще, участвовавшие случаи конфликтов на межэтнических конфликтов не могли не сказаться на содержании протестных посланий.

¹ Эпштейн А.Д. Арт-активизм в отсутствие публичной политики. Группа «Война»: от зарождения к российской известности // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5 (79). – С. 119–125.

Ключевая причина креативной сублимации, на наш взгляд, скрывается прежде всего в анонимном характере протестного выражения. Авторство остаётся за скобками, поэтому протестное письмо может наноситься без каких-либо серьёзных последствий для непосредственного автора. Безусловно, в городах – мегаполисах гораздо выше вероятность сохранения анонимности собственного авторства в протестном тексте. То же самое можно сказать и об открытых формах противостояния власти – митингах, пикетах и т.д. Наоборот, в провинции несколько сложнее продемонстрировать как свои протестные настроения, так и протестное письмо. В подобной ситуации выходит, что «в центре – митингующий подобен улитке, спрятавшейся в панцирную роговицу таких же несогласных. В провинции невозможно спрятаться в панцирь. Средств на такую тёплую, предохраняющую одежду попросту нет. Поэтому несогласный гражданин в российской провинции рискует, подставляя своё тело колючему ветру безжалостной критики и всевозможных уличений в проплаченности и ангажированности»¹.

Как мы уже отмечали, практически любая поверхность может быть «схвачена» письмом. Иногда письмо прямо напрашивается на поверхность. В этом смысле показательно рассуждение одного из героев бунинского рассказа «Надписи»: «Говорят, что человек есть говорящее животное. Нет, вернее, человек есть животное пишущее. И количеству и разнообразию человеческих надписей — если уж говорить только о надписях — положительно нет числа. Одни вырезаны, выбиты, другие начертаны, нарисованы. Одни собственной рукой, другие рукой наследников, внуков, правнуков. Одни вчера, другие десять, сто лет тому назад или же века, тысячелетия»².

Герой Бунина здесь говорит не только о способе нанесения письма, но и непосредственных поверхностях протеста, потому как любая надпись сама по себе является контроверзой, неким вызовом.

Неизбежность поглощения любой поверхности политическим изначально располагает любое письмо в контексте политического. Данное свойство поверхности не может не привлекать политических акторов, заинтересованных в объективации своих текстов. Если предположить, что политический процесс является неким нанесением

¹ *Скитерских А.В.* Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области) // Теории и проблемы политических исследований. – 2012. – № 2-3. – С. 58–70.

² *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1966. Т. 5. – С. 172.

письма, то попытка исключённых политических акторов демонстрации в нём собственных текстов не может рассматриваться иначе, чем некая форма политического участия.

Подобное инструментальное отношение к поверхности является частью протестной философии. Другое дело, что актуализация протестного письма происходит в моменты политических трансформаций, позволяющих исследователю сталкиваться с самыми неожиданными поверхностями, на которые наносится протестное письмо. Например, в известном катехизисе ненасильственного сопротивления Д. Шарп, говоря о методах ненасильственного сопротивления, указывает такие любопытные формы протестного письма как «надписях в воздухе (самолётами) и на земле (вспашкой почвы, посадкой растений, камнями)»¹. В несвободных странах, по мнению Д. Шарпа, люди зачастую могут именно так выражать своё право на протест. Безусловно, если говорить о постсоветском пространстве, то в его случае уже нет столь сильной необходимости выкладывать надписи, опасаясь репрессивного воздействия.

Политическая, экономическая и культурная ситуация на постсоветском пространстве, на которую влияет отсутствие стабильности и предсказуемости, вызванное транзитивными издержками, несомненно, располагает автора к протестному письму. Автор постоянно пребывает в поиске смыслов и их «схватывания» протестным письмом.

Как правило, средства письма бывают экологичны, поэтому спокойно укладываются на поверхность. Предполагается, что надпись может быть легко «демонтирована». В качестве примера можно привести акцию протеста «Stop Russia», проходившую 9 августа 2008 года в Тбилиси, на площади Революции Роз. Митинг протеста проходил под горящей на земле надписью. Организаторы акции заявили, что «лозунг на английском языке символизирует послание к мировому сообществу, с просьбой принять меры по предотвращению дальнейшего насилия в Грузии и агрессивных действий со стороны России, заявили организаторы акции»².

Разве не выглядит экологично нанесённое бунинскими книгами письмо на отбитом постаменте памятника И. Бунину в г. Ельце? Именно так невнимание городской администрации к памятнику

¹ Шарп Д. От диктатуры к демократии. – Екатеринбург: Ультра : Культура, 2005. – С. 101.

² В Тбилиси протестуют против России при помощи «горящих надписей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.regions.ru/news/2159654/> (дата обращения: 25.12.2013).

классика отметили акционисты арт-группы «23:59». Или выложенная варениками надпись «Слава Украине» в период стояния на Майдане в декабре 2013 года.

Если с помощью протестного письма создаётся ощущение естественности определённой политической ситуации (например, анонимный автор подрисовывает ружьё или мешок с деньгами в руку пешехода на дорожном знаке пешеходного перехода), то и само выбранное средство для письма должно быть экологичным. Нанесённый на асфальт трафарет не должен мешать движению. Маркированная протестным письмом городская поверхность принципиально не должна разрушаться, даже, наоборот, она должна как бы продолжаться письмом, надстраиваться им (как в случае с памятником)¹. Но при этом автор как бы вмешивается в реальность, несколько корректируя её. Ружьё или мешок с деньгами в руках изображения пешехода с дорожного знака «Пешеходный переход» могут смотреться довольно органично.

Внедрение в городское публичное пространство своих посланий довольно показательно рассмотреть на примере творчества Димы Dream – белорусского художника, работающего в стиле стрит-арта, гражданского активиста. Он осваивает городское пространство, «внедряя» в него свои идеи, которые становятся предметом для обсуждения в белорусском арт-сообществе и СМИ². Разумеется, в условиях режима А. Лукашенко довольно сложно публично демонстрировать свои политические месседжи, поэтому протест пока носит анонимный характер. Интересным решением Димы Dream стал трафарет «Тупеем вместе», нанесённый на билборд с рекламой официального издания Белоруссии – газеты «Беларусь сегодня». Кстати, следует отметить, что билборды являются довольно уязвимыми мишенями для субъектов, испытывающих необходимость протестного выражения политическим письмом. Примеры атак на билборды можно обнаружить не только в Белоруссии, но и в России, Украине, Кыргызстана и других постсоветских государствах. Привлекательность билбордов объясняется их частым использованием самой властью и официальными институтами для агитации. Получается, как в случае с белорусским Димой Dream, происходит

¹ Несомненно, могут существовать и другие формы нанесения текста на поверхности, когда достигается обратный эффект и движение затрудняется. Взять те же баррикады на улицах. Или перегороженное движение собственным автомобилем в духе практик ненасильственного сопротивления.

² «Круг интересов» Димы Dream [Электронный ресурс]. – URL: <http://artaktivist.org/krug-interesov-dima-dream/> (дата обращения: 25.12.2013).

коррекция политического меседжа, с привнесением в него собственных ощущений и рефлексии.

Наряду с традиционными исследовательскими фокусами, рассматривающими политическое участие исключительно как попытки инкорпорации в политический процесс в каких-либо институционализированных формах, может существовать и другой взгляд. Регистрация политических ситуаций и акторов исключительно в рамках самой системы и вписанности в неё, оставляет вне исследовательского интереса множество социальных групп и сообществ, не связанных с самой политической системой строгими соответствиями и обязательствами, но вместе с тем периодически артикулирующими требования правящим элитам на разных уровнях политики с помощью особого языка.

Экологичность средств, с помощью которых наносится протестное письмо, заметна и на примере наномитингов в провинциальных городах современной России – «митингов без людей». Авторами протестных надписей являются либо игрушки и куклы (Барнаул, Томск, Апатиты), либо пластилиновые человечки (Данков и Елец в Липецкой области). Экологический характер подобных форм политического участия проявляется и в отсутствии проблемы какой-то затруднительной «утилизации» средств протестного письма. Так, пластилиновых человечков в Ельце с удовольствием разбирали дети. Быстрая «утилизация» может быть связана ещё и с проблемой экономичности бытия человека в российской провинции, что сказывается на его способности спокойно принимать в дар отслужившие вещи.

В качестве средств протестного письма зачастую используются наклейки, стикеры, баллончики с краской, с помощью которых изготавливается политическое граффити. На масштабность подобного явления и большие творческие способности субъектов протестного письма могут красноречиво указывать стены тоннелей и железнодорожных откосов. Миллионы людей ежедневно сталкиваются с протестными посланиями во время передвижений в метро и на поездах, проезжая под мостовыми конструкциями, поверхности которых являются очень удобным местом для нанесения протестного письма.

В некоторых городах России недовольство состоянием дорог приводит к жизни активистские практики, во время которых ямы на повреждённом дорожном полотне обводятся и закрашиваются цветными мелками. Не так давно стала популярной технология

наложения письма через заготовленные трафареты, причём данная практика является уже довольно распространённой как в столице, так и в провинции. Следует отметить, что подобная практика может быть эффективной формой протестной политики, потому как моментально обращает на себя внимание со стороны самой власти.

Привлекательность подобных технологий как способа выражения протестных настроений служит причиной институционализации протестного письма, появления структур, деятельность которых направлена на регистрацию и фиксацию поверхностей протеста, а также разработку и концептуализацию новых протестных месседжей.

Субъект протеста – человек и его тело.

Ещё одной формой поверхности протеста, равно как и средством письма может быть и непосредственное тело субъекта протеста, которое изначально должно рассматриваться в протестном контексте. Эксперименты с телом всегда привлекают внимание и вызывают резонанс. Не потому ли практики использования тела в качестве средства письма всегда обладают особой зрелищностью?

Необходимо отметить, что изначально власть сильнее тела, потому как оказывает на него давление и принуждает его, дисциплинируя и подавляя. М. Фуко заметит как-то: «...тело непосредственно погружено в область политического. Отношения власти держат его мёртвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки»¹.

Протестный синдром в полном смысле затрагивает и тело индивида, пытающегося выскользнуть из сферы притязаний власти, и, более того, даже объявить о собственном несогласии.

В феврале 2012 года арт-группа «23:59» на снежном склоне Парка 40-летия Октября в Ельце выложила телами 12 человек слово «НАТЕ». Уже после на месте лежащих тел появились сотни зажжённых свечей, повторявших надпись огнём. Подобная акция является ответом власти на вырубку одного из городских парков ради многоэтажной застройки. В перформансе прослеживается и литературная параллель. Наряду с переводом с англ. «Нате» как ненависть есть ещё и известный текст «Нате» В. Маяковского. Таким образом, изначально закладывается неоднозначность прочтения протестного сообщения.

В качестве поверхности для письма собственное тело используется известным украинским женским движением «Femen»,

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 39.

периодически заявляющим о себе шумными акциями. Частое раздевание и представление своего тела в знак протеста стало отличительной чертой «Femen» – говоря о протесте, вспоминается их обнажённое тело с нанесённым текстом.

На раздевание в знак протеста как на технологию ненасильственного сопротивления обращает внимание и Д. Шарп¹. Постсоветский опыт подобной ненасильственной практики берёт отсчёт с акций грузинской молодёжной организации «Кмара», сыгравшей заметную роль в революции роз. Снятием верхней одежды активисты «Кмары» могли «приветствовать» непопулярных чиновников. Вообще, снятие верхней одежды используется и фанатами во время футбольных матчей. Стоит отметить, что в случае уличного протеста именно футбольные фанаты могут составлять как раз и ядерные группы, добавляя протестным акциям агрессивности.

Крайне радикальный пример использования собственного тела как поверхности письма продемонстрировал художник Пётр Павленский, который 3 мая 2013 года разделся догола и завернулся в колючую проволоку напротив здания Законодательного собрания Санкт-Петербурга, и в своей известной акции 10 ноября на Красной площади в Москве. Говоря о жестоких попытках эксплуатации собственного тела в качестве протестной поверхности вспоминаются и перформансы О. Кулика, изображавшего собаку.

Протестное письмо может напоситься и на одежду, при этом сам факт использования конкретного цвета или элемента уже будет рассматриваться в протестном контексте. Важным значением наделяется и внешний вид. Вспомним, как герой С. Бодрова в самом начале фильма «Брат», в поисках клуба обращается к парням с ирокезами на головах.

На наш взгляд, очевидно, что в условиях всеобщей капитализации и схватывания собственности всесильным капиталом, единственное, что осталось у человека и принадлежит ему – это его тело. В этой связи, протестное письмо логично накладывается на него. Таким образом, протест концентрируется в самом человеке, редуцируясь в его теле и жизненном стиле. Отсюда, сам человек со своим собственным телом превращается в некий политический концепт.

Субъект протеста – протестная коммуникация.

Протестной поверхностью может быть и сама протестная коммуникация. Формы искусства и сами продукты, создаваемые

¹ Шарп Д. От диктатуры к демократии. – Екатеринбург: Ультра : Культура, 2005. – С. 102.

субъектом протеста в их рамках определённо могут располагать к нанесению протестного письма.

Возможности протестной коммуникации хорошо просматриваются на примере социальных сетей, аккумулирующих в себе протестную энергию. Неслучайно, социальные сети всё чаще используются в практиках мобилизации массы. Светящиеся телефоны на Евромайдане в декабрьском Киеве – красноречивое подтверждение внушительных возможностей электронной коммуникации в протестных акциях. Ежедневно, их владельцы выкладывают в сеть огромное количество фотографий и видеофайлов, тем самым, создавая у аудитории эффект присутствия. Именно современные средства связи позволили представить аудитории новую протестную реальность – новые возможности стрит-арта, которым ещё предстоит быть изученными и концептуализированными.

Субъект протестного письма не может не обращаться к искусству и его формам. Искусство здесь служит на стороне автора, потому как скрывает его намерения, вуалирует их. Язык искусства совсем неоднозначен, и именно его неоднозначность оказывается решающим фактором в выборах субъекта протеста. В любом случае, в формах, к которым прибегает автор, не может не просматриваться его характер, его политические предпочтения и пристрастия. В этой связи, отмечает П. Андерсен, попытка говорить на языке искусства лежит в основе «любой протестной политики»¹.

Творчество субъекта пишется языком протеста и объективируется в многообразии поверхностей – Интернет, литературе, живописи, музыке, кино, театре, архитектурных формах. Всё чаще можно увидеть политические демотиваторы, карикатуры и комиксы, распространяемые в сети Интернет. Интернет-сообщества, тяготеющие к протестному арт-активизму, довольно широко представлены в социальных сетях, в которых происходит обмен информацией, а, соответственно, и опытом нанесения протестных сообщений на различные поверхности.

В политической истории СССР уже были примеры, когда испытывающий необходимость выражения, субъект пытался находить собственную поверхность протестного письма и вместе с ней свой неповторимый стиль. Чтения в Политехническом музее, «Бульдозерная выставка», многочисленные квартирники, перформансы А. Монастырского и группы «Коллективные действия»,

¹ Андерсен П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Аполлонова. – М.: Территория будущего, 2011. – С. 41.

изобретавших свой язык, а вместе с ним и даже «Словарь терминов московской концептуальной школы» – все эти примеры только подтверждают применимость данных форм коммуницирования с аудиторией в качестве протестных поверхностей. Легитимация национальных элит в бывших советских республиках также не могла учитывать акцентов на культурные формы.

Безусловно, подобное протестное творчество и освоение новых протестных поверхностей не может быть самостоятельным, ввиду постоянного давления авторитетных гиперссылок. В частности, протестное творчество елецкой арт-группы «23:59» сильно зависит от гиперссылок на тесты А. Камю, Л. Толстого, М. Горького, И. Бродского, В. Маяковского.

В любом случае, подчинение протестным письмом самой коммуникации является довольно опасным симптомом для власти, попытавшейся после зимних митингов 2011–2012 гг. систематизировать протест, обусловив его значительными правовыми спецификациями. Власть привыкла к мысли о полной просматриваемости всех коммуникаций, поэтому «любое альтернативное и анонимное действие и творчество, способное актуализировать вопрос о существовании где-то неё под боком независимого и самостоятельного субъекта, склонно значительным образом досаждать ей»¹.

В случае возрастания объёмов протестного письма власти бывает не так-то уж и просто справиться с ним. Это показала кыргызская «тюльпановая» революция 2005 года, когда протестное письмо могло носить деструктивный характер. Совсем недавно это было продемонстрировано во время декабрьских событий на украинском Евромайдане 2013 года – у власти просто не хватало сил справляться с выбрасываемыми буквально каждую минуту протестными объёмами.

Таким образом, значительное увеличение несистемной компоненты в политическом процессе на постсоветском пространстве, оказывается прямо пропорциональным увеличению объёмов поверхностей охваченных политическим протестным письмом. В пользу нашего вывода свидетельствуют и определённые законы развития политических процессов. В частности, появление ограничений на присутствие в политическом процессе для некоторых

¹ *Скиперских А.В.* Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). – Липецк: Гравис, 2013. – С. 145.

акторов, прямо или косвенно способствует радикализации и маргинализации их политического творчества.

Проанализированные нами практики арт-активизма, объективирующегося через протестное письмо, могут увеличивать свои объёмы в случае попыток их подчинения и подавления со стороны репрессивных политических институтов и самого государства. Наоборот, в случае, если со стороны репрессивных институтов нет какой-либо реакции на протестное письмо, то его субъекты оказываются в ситуации неопределённости, когда не возникает ощущение правильного выбора форм и средств, раздражающих власть. Безусловно, подобная тактика со стороны власти может в какой-то степени сыграть на снижении объёмов протестного письма. Как будут разворачиваться дальнейшие события в России и в других государствах на постсоветском пространстве и какова будет рефлексия на эти события со стороны субъектов протестного письма – покажет время.

Тестовые задания

1. Какое название носила революция в Грузии в 2003 году?
 - A. Революция гвоздик.
 - B. Революция роз.
 - C. Революция тюльпанов.
 - D. «Оранжевая» революция.

2. В какой стране из нижеперечисленных проходил «Евромайдан»?
 - A. Белоруссия.
 - B. Казахстан.
 - C. Украина.
 - D. Молдавия.

3. Какая из данных поверхностей не может использоваться для протестного письма?
 - A. Уличный знак.
 - B. Линии электропередачи.
 - C. Автобусная остановка.
 - D. Постамент памятника.

4. Американский политолог, разработавший пособие по ненасильственному сопротивлению «От диктатуры к демократии: ненасильственные основы сопротивления».

- A. Р. Даль.
- B. Д. Шарп.
- C. С. Липсет.
- D. Н. Луман.

5. Советский поэт, принимавший участие в чтениях в Политехническом музее:

- A. К. Симонов.
- B. А. Блок.
- C. А. Вознесенский.
- D. М. Цветаева.

Контрольные вопросы

1. Есть ли в Вашем городе примеры использования поверхностей для политического протестного письма?

2. Нарисуйте портрет автора протестного письма (возраст, профессия, образование, пол, доход).

3. Могли бы Вы оставить протестное послание, используя какую-либо протестную поверхность? Объяснить свою позицию.

4. Какие Вы видите перспективы использования протестных текстов? Станут ли они эффективной формой альтернативной политической рекламы в будущем?

5. Какие средства могут использоваться для нанесения протестного текста?